БАБУШКА ГРАФИНЯ М. Г. РАЗУМОВСКАЯ.

(Страничка изъ воспоминаній).

МНѢ БЫЛО четырнадцать лѣтъ, когда моя бабушка, графиня Марія Григорьевна Разумовская, уговорила мою мать отказаться отъ всѣхъ правъ на меня и, заручившись обѣщаніемъ не вмѣшиваться болѣе въ дальнѣйшую мою судьбу,—увезла меня въ Петербургъ.

Я помню, что прямо съ поѣзда бабушка повезла меня къ Аннѣ Оедоровнѣ Фейхтнеръ, своему лучшему другу, чтобы подѣлиться съ ней радостію, которую она испытывала, заполучивъ меня въ неотъемлемую собственность. Я приходилась ей внучатной племянницей и одна ее называла «бабушкой» тогда, какъ всѣ другіе, соединенные съ нею родственными узами, называли ее «ma tante», что заставляло ее, смѣясь, говорить: «je suis une tante universelle». Моя бабушка Разумовская была рожденная княжна Вяземская, имѣла брата Николая Григорьевича Вяземскаго, женатаго на вдовѣ Берингъ, Софіи Егоровнѣ. Отъ этого брака было трое дѣтей, два сына, Григорій и Левъ (Григорій былъ моимъ отцомъ) и дочь Анна. Бабушка была бездѣтна и, горячо любя брата, взяла на свое попеченіе его дѣтей. Но ея добрыя намѣренія были впослѣдствіи источникомъ большихъ огорченій для нея: отецъ мой постоянно проживалъ за границей, тетка моя Анна умерла шестнадцати лѣтъ, а дядя Левъ такъ кутилъ, что нажилъ чахотку и умеръ 22 лѣтъ. При моей теткѣ Аннѣ была гувернантка M-lle Grisel, родомъ итальянка, которая впослѣдствіи вышла замужъ за доктора Фейхтнера и послѣ смерти своей воспитанницы на всю жизнь оста-

лась въ дружескихъ отношеніяхъ съ моей бабушкой; къ ней-то мы и поѣхали, тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ. Затѣмъ бабушка возила меня ко столькимъ лицамъ, что мнѣ было трудно запомнить, кому я была и кому еще не была представлена. Помню только визитъ къ графинѣ Рибопьеръ, жившей тогда на Большой Морской, въ томъ домѣ, гдѣ въ послѣдніе годы помѣщался обширный магазинъ Кумберга.

Графиня Рибопьеръ, рожденная Юсупова, была талантливая художница; у нея въ мастерской можно было найти чудныя копіи съ картинъ, Эрмитажа и не менѣе художественно исполненныя оригинальныя картины. Во время нашего посѣщенія, графъ Рибопьеръ, который въ 1869 году еще причесывалъ волосы по-старинному, съ кокомъ, повелъ мою бабушку въ studio свой жены, обѣщая показать какую-то новую картину. Мы вошли въ громадное помѣщеніе, спеціально пристроенное въ надворной части дома, со стекляннымъ потолкомъ, съ огромными окнами, которыя завѣшивались зелеными шторами различныхъ формъ и величины; всѣ стѣны были покрыты картинами, болѣе или менѣе оконченными; стояли мольберты, кресла, столики, лежали раскинутыя въ художественномъ безпорядкѣ дорогія ткани, служащія для моделей, и вотъ графъ подводитъ бабушку къ одному изъ мольбертовъ, откидываетъ покрывало съ полотна, и я услышала возгласъ бабушки: «ахъ! это я!». Наступила минута очарованнаго молчанія, послѣ которой послышался голосъ графа: «Какъ хорошо я васъ помню, графиня, такой, какъ здѣсь, дышащей молодостью и красотой! То было въ Карлсбадѣ. Вы тогда были еще княгиней Голициной...» «Маша, — быстро перебивая графа, обратилась бабушка ко мнѣ въ какомъ-то испугѣ:—пойдемъ скорѣе, намъ еще столько визитовъ осталось сдѣлать на сегодняшній день, скорѣе поѣдемъ, дитя мое». Она торопливо простилась съ хозяевами, которые смотрѣли недоумѣвая на насъ, и мы уѣхали. Такая поспѣшность, не соотвѣтствующая законамъ приличій высшаго свѣта, меня очень удивила и подсказала мнѣ, что тутъ кроется серіозная причина, и что вся тайна заключается въ словахъ «княгиня Голицына». Для моего пытливаго ума будущей женщины этого указанія было достаточно, чтобы прошлое моей бабушки подстрекнуло мое любопытство. Въ короткое время я отъ того же графа Рибопьера, который всегда называлъ меня «une suzeraine» въ силу того, что у него были помѣстья въ области, гдѣ прежде Вяземскіе господствовали удѣльными князьями, узнала романъ бабушки Маріи Григорьевны. Романъ этотъ долгое время былъ предметомъ недоумѣній и пересудовъ высшаго общества обѣихъ столицъ.

Вотъ что я узнала.

Моя бабушка, почти ребенкомъ, вышла замужъ за князя Александра Николаевича Голицына, который былъ только на три года старше ея. Голицынъ былъ внукъ знаменитаго петровскаго фельд-

маршала, князя Михаила Михаиловича старшаго, и сынъ оберъ-гофмаршала Екатерины, князя Николая Михаиловича. Этотъ Голицынъ крайне богатый, владѣтель 24.000 душъ, отличался самодурствомъ, за которое въ Москвѣ его прозвали именемъ одной модной оперы того времени «Cosa-rasa». У насъ на Руси, такъ же какъ и въ Англіи, отличаются самодурствомъ, которое составляетъ своего рода роскошь между людьми крайне богатыми, но каждое сословіе выражаетъ его по-своему, сообразуясь со своими понятіями и развитіемъ; въ послѣдніе годы на этомъ поприщѣ отличаются купеческіе сынки, пользуясь свободой дѣйствій безъ конкурренціи прожившихся вельможъ. Про Голицына разсказывали легендарныя вещи; утверждали, что онъ ежедневно отпускалъ своимъ кучерамъ шампанское; ассигнаціями крупнаго достоинства зажигалъ трубки гостей, горстями бросалъ золото на улицу, чтобы извозчики толпились у его подъѣзда. Однажды, во время прогулки въ лѣсу съ женой, лѣтомъ въ имѣніи, она, утомленная отъ прогулки и жары, присѣла на пень и выразила сожалѣніе о невозможности получить стаканъ молока. Нѣсколько дней спустя, князь предложилъ женѣ повторить прогулку въ лѣсъ, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она пожелала молока, была выстроена маленькая ферма, и на этотъ разъ она утолила свою жажду «запоздавшимъ стаканомъ молока», какъ извинился князь передъ нею.

Сумасшедшая расточительность мужа приводила мою бабушку въ отчаяніе. Онъ подписывалъ векселя, въ которыхъ сумма не была проставлена буквами, а выставлена цифрами, и заимодавецъ могъ легко приписать къ означенной суммѣ по нулю, если его безсовѣстность имѣла границы, а не то такъ два и три нуля. Бабушка, предвидя неминуемое разореніе, обратилась за помощью къ только что вступившему на престолъ императору Александру I-му въ 1801-мъ году. Но государь отказалъ, и ничто не могло уже помѣшать Голицыну стремиться къ окончательной гибели матеріальнаго положенія.

Между Голицынымъ и Разумовскимъ было нѣкоторое свойство; братъ бабушки, а мой дѣдушка, князь Николай Григорьевичъ Вяземскій, въ то время гофмаршалъ, былъ женатъ на племянницѣ графа Льва Кирилловича, и въ ихъ домѣ графъ часто встрѣчался съ княгиней Голицыной.

Графъ Левъ Кирилловичъ Разумовскій былъ пятый сынъ Кирилла Григорьевича, у котораго было одиннадцать человѣкъ дѣтей: шесть сыновей и пять дочерей. Левъ родился въ 1757-мъ году. Кириллъ Григорьевичъ стремился дать сыновьямъ хорошее образованіе, что́ при несмѣтномъ его богатствѣ не представляло затрудненій. Ежегодный его доходъ опредѣляли въ 600.000 рублей. Чтобы удалить дѣтей изъ-подъ вліянія матери, которая не сочувствовала стремленію къ культурѣ, Кириллъ Григорьевичъ нанялъ на Ва-

сильевскомъ островѣ отдѣльный домъ и помѣстилъ туда сыновей, окруживъ ихъ тщательно избранными гувернерами и профессорами; затѣмъ, продолжительное пребываніе за границей Льва Кирилловича помогло сдѣлать изъ него всесторонне образованнаго человѣка. Онъ любилъ книги, науки, художества, музыку, понималъ и сочувствовалъ природѣ, и едва ли не у него перваго въ Москвѣ былъ при домѣ зимній садъ. Вся Москва стремилась на его праздники, гдѣ радушный хозяинъ принималъ истиннымъ бариномъ, въ полномъ и настоящемъ значеніи этого слова, очаровывая всѣхъ своимъ добродушіемъ и утонченной вѣжливостію. Его развитой умъ не могъ не понять высокаго ученія массоновъ и не отнестись отзывчиво къ ихъ законамъ; онъ самъ сдѣлался убѣжденный массонъ, былъ въ перепискѣ съ Поздѣевымъ, но это не мѣшало ему быть ревностнымъ, глубоко вѣрующимъ христіаниномъ. Все высокое, чистое и честное привлекало его: это была глубоко отзывчивая личность. Въ обществѣ онъ былъ милый говорунъ, нѣсколько картавилъ, и его вѣчный насморкъ придавалъ его голосу какую-то особенную привлекательность. Онъ боялся суроваго холода зимы и всегда ѣздилъ съ большой мѣховой муфтой, которую онъ ловко и даже граціозно бросалъ въ передней. При частыхъ встрѣчахъ съ молодой княгиней Голицыной, нѣжное сердце графа не устояло при видѣ ея миловидности и участливо прильнуло къ ней, зная, что она несчастлива. Объ этомъ романѣ вскорѣ заговорила вся Москва, и тогда, съ обоюднаго дружелюбнаго согласія, состоялся разводъ, который позволилъ графу жениться на княгинѣ М. Г. Голицыной въ 1802-мъ году.

Разводъ въ тѣ блаженныя времена считался чѣмъ-то языческимъ и чудовищнымъ. Сильно возбужденное мнѣніе большого свѣта обѣихъ столицъ строго осуждало нарушавшихъ законъ, и всѣ рѣшили не принимать молодую чету. Но князь Голицынъ продолжалъ вести дружбу съ графомъ Львомъ Кирилловичемъ, часто обѣдалъ у бывшей своей жены и нерѣдко показывался съ нею даже въ театрѣ. Въ семьѣ графа этотъ бракъ тоже не пришелся по сердцу, но молодая графиня сумѣла снискать расположеніе семьи мужа, и даже цѣльный характеръ старика, Кирилла Григорьевича, не устоялъ передъ веселой и красивой невѣсткой. Когда холодность, съ которой графиня была встрѣчена въ семьѣ, замѣнилась самыми родственными отношеніями, тогда и общество стало заискивать расположеніе богатой графини, предвидя, что въ ея домѣ будутъ даваться празднества, на которыя все-таки жаль было бы не попасть. Графская чета отдѣлала свой домъ на Тверской (домъ, въ которомъ теперь помѣщается англійскій клубъ) и подмосковную—Петровское-Разумовское, и общество охотно толпилось у нихъ на пирахъ, задаваемыхъ въ Москвѣ зимой и въ Петровскомъ — лѣтомъ.

Но бракъ все-таки официально не былъ признанъ, и менѣе сго-

ворчивыя барыни, быть можетъ, изъ зависти къ чрезмѣрной роскоши тоалетовъ графини, злобно, тайкомъ дѣлали намеки на несовсѣмъ правильное положеніе, но и этимъ толкамъ былъ положенъ конецъ во время посѣщенія Москвы императоромъ Александромъ Павловичемъ, въ 1809 году. Въ этомъ помогъ графъ Гудовичъ, главнокомандующій Москвы, который взялъ на свою отвѣтственность пригласить молодую графиню на балъ, гдѣ долженъ былъ присутствовать государь. На этомъ балу императоръ подошелъ къ бабушкѣ и громко сказалъ: «Madame la comtesse, voulez-vous me faire l'honneur de danser une polonaise avec moi?» Съ этой минуты графиня Марья Григорьевна неоспоримо вступила въ права законной жены и графскаго достоинства.

Великолѣпное подмосковное было только-что окончательно отдѣлано, и Разумовскіе, было, принялись за перестройку московскаго дома, гдѣ хотѣли повысить всѣ потолки, уничтоживъ для этого цѣлый этажъ, какъ нагрянулъ 1812 годъ. Бабушка съ мужемъ должны были бѣжать и рѣшили укрыться въ помѣстьѣ Тамбовской губерніи. Ѣхать въ Малороссію, въ великолѣпное имѣніе Карловку, имъ показалось уже слишкомъ далеко и утомительно.

Такъ какъ домъ въ Москвѣ находился въ полной передѣлкѣ, то вся мебель и всѣ драгоцѣнности, въ видѣ картинъ, бронзы, были перенесены въ погребъ и большую кладовую. Стоянка французовъ близилась уже къ концу и, вѣроятно, всѣ драгоцѣнности уцѣлѣли бы, не будь предательства одного служащаго при домѣ, оставленнаго для охраненія его, и въ нѣсколько часовъ все было истреблено и разграблено французами, занимавшими домъ. Петровское-Разумовское подверглось такому же хищенію. Тамъ, между прочимъ, была громадная библіотека, съ любовью собранная графомъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ и оцѣненная библіотекаремъ, составлявшимъ каталогъ, въ 400 тысячъ рублей,—ни одной книги не сохранилось. Въ Петровскомъ графъ потерялъ даже то, что никакими деньгами возстановить нельзя было, а именно чудную оранжерею. Въ ней было до пятидесяти рѣдкихъ экземпляровъ лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ. Оранжерею подожгли крестьяне съ двухъ концовъ, уже послѣ ухода француза, озлившись на садовника, который выговаривалъ имъ за ихъ равнодушіе и отсутствіе желанія поспѣшить на помощь, чтобы удалить слѣды безпорядковъ, совершенныхъ французами. Французы, уходя, оставили отъ дома одинъ остовъ — стѣны, а двери и окна были выломаны и уничтожены, а теперь еще свои крестьяне помогли остальное превратить въ пепелище. Конечно, Петровское было снова возстановлено, центръ богатствъ Льва Кирилловича не былъ тронутъ, такъ какъ находился въ Малороссіи.

Бракъ моей бабушки былъ изъ самыхъ счастливыхъ. Быть можетъ, покой графа и былъ отравленъ мыслію, что онъ женился на

«отпущенницѣ», но эта же самая мысль заставляла этого глубокосовѣстливаго и добраго человѣка еще сильнѣе привязаться къ любимой женщинѣ и окружать ее такимъ утонченнымъ вниманіемъ, отъ котораго бабушка чувствовала себя вполнѣ счастливой. Такъ протекло шестнадцать лѣтъ самой свѣтлой жизни, любви и полнаго согласія, но вотъ 21-го ноября 1818 года Льва Кирилловича не стало. Отчаяніе бабушки было безпредѣльно. На основаніи, дѣйствовавшихъ еще въ то время въ Малороссіи, Литовскаго статута и Магдебургскаго права, графъ завѣщалъ всѣ свои украинскія маетности женѣ въ полную собственность. Но не такъ-то просто обошлось это дѣло для бабушки. Одинъ изъ братьевъ покойнаго, Алексѣй Кирилловичъ, завелъ процессъ, въ которомъ онъ оспаривалъ законность брака и вслѣдствіе того и право на наслѣдіе. Три года тянулся этотъ процессъ, въ теченіе которыхъ моя бабушка, лишенная всякихъ средствъ, жила на Литейной, чуть не въ подвальномъ этажѣ, въ лишеніяхъ, которыя для нея равнялись полной нищетѣ. Этотъ домъ на Литейной былъ мнѣ какъ-то разъ показанъ А. Ф. Фейхтнеръ. Процессъ былъ выигранъ бабушкой послѣ трехъ лѣтъ упорной тяжбы.

Сильное горе отъ потери любимаго существа, а также и страхъ неудачнаго исхода процесса, пошатнули здоровье бабушки, и доктора посовѣтовали ей съѣздить за границу. Тамъ новыя впечатлѣнія, новая жизнь подъ другими условіями, благотворно подѣйствовали на нее; но вѣроятнѣе всего, что счастливыя особенности ея характера и натуры, столь воспріимчивой ко всѣмъ веселящимъ проявленіямъ жизни, взяли свое. Она въ глубинѣ души хотя и осталась вѣрна своему горю, но трауръ жизни и одѣяній смѣнился болѣе свѣтлыми оттѣнками.

Новая жизнь за границей ее поглотила; Парижъ и Вѣна долго помнили ея радушный пріемъ на блестящихъ празднествахъ, которыми она неустанно развлекала общество. Карлсбадъ даже посвятилъ ей памятникъ въ благодарность за ея неутомимую иниціативу въ прогулкахъ и веселыхъ праздникахъ — она тамъ была душой общества. По возвращеніи своемъ въ Россію, бабушка заняла въ петербургскомъ обществѣ подобающее ей положеніе; домъ ея сдѣлался однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ. Вечера, обѣды, рауты, зимой въ городѣ, а лѣтомъ на ея прелестной дачѣ въ Петергофѣ, соединяли все общество. И не одно городское общество посѣщало ея праздники, но и царская фамилія была къ ней благосклонно расположена. Императоръ Николай Павловичъ и государыня Александра Ѳеодоровна въ особенности были въ ней милостивы и удостоивали ея празднества своимъ высокимъ присутствіемъ. У меня хранится воспоминаніе того времени въ видѣ картины, на которой изображенъ китайскій балъ, гдѣ всѣ присутствовавшіе были одѣты въ китайское платье. Многихъ можно узнать; великая княгиня Марія

Николаевна рельефно выдѣляется на картинѣ своей строгой красотой, а также и роскошью своего костюма; графъ Григорій Строгановъ въ видѣ тучнаго мандарина и, наконецъ, моя бабушка, съ чудными жемчугами въ видѣ шпилекъ въ причудливой китайской прическѣ. Страсть бабушки къ шумнымъ увеселеніямъ доходила до слабости, вся ея жизнь была вѣчно суетливое движеніе въ кругу веселія и многолюдности; свѣтъ, общество были элементы, питавшіе ея организмъ. Конечно, эта жажда развлеченій не могла существовать безъ страсти къ нарядамъ, и эта страсть была доведена до колоссальныхъ размѣровъ. Разсказываютъ, что, возвращаясь изъ Парижа въ 1835 году, она привезла съ собой самую «бездѣлицу», какъ она говорила, тоалетовъ, и, проѣзжая черезъ Вѣну, просила одного пріятеля, служившаго въ Петербургѣ по таможенному вѣдомству, облегчить ей затрудненіе провоза тоалетовъ, представлявшихъ на этотъ разъ «бездѣлицу» въ триста платьевъ.

Но при столь поглощающемъ легкомыслін бабушка была ангельской доброты; просящему она не могла отказать, и были случаи, гдѣ она себя стѣсняла, чтобы заплатить долги кого либо изъ племянниковъ. Такая черта прекрасна въ каждомъ, но въ бабушкѣ, которую считали только женщиной легкомысленной и поглощенной свѣтскими соблазнами, такая черта много искупаетъ и устанавливаетъ фактъ, что она не была эгоистична. Она часто бывала въ денежныхъ затрудненіяхъ, и только близкіе родственники могли бы указать причину, подсчитавъ итогъ ея милосердія и щедрости къ нимъ. Домъ свой въ Москвѣ она подарила своему брату, а моему дѣдушкѣ, вѣчно нуждавшемуся въ деньгахъ, а Карловку, въ минуту гнѣва на моего отца, который считался въ будущемъ ея единственнымъ наслѣдникомъ, она продала великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ за пожизненную пенсію.

Съ дорогой моей бабушкой мнѣ пришлось провести только послѣдніе два съ половиной года ея жизни, но я всегда съ чувствомъ благодарности къ судьбѣ вспоминаю это время, и теперь — оканчивая сама свой жизненный путь, взглянувъ на прошлое, я могу сказать, что лучшаго времени въ моей жизни не было. Тутъ довольство жизнію не обусловливается роскошью, которою я пользовалась, но всецѣло зиждется въ чувствѣ благодарности за безграничную любовь бабушки ко мнѣ. Къ сожалѣнію, я была слишкомъ молода, чтобы вполнѣ оцѣнить ее, и только въ теченіе жизни, столкнувшись съ людьми безсердечными и даже жестокими, я умиленно вспоминала душевную теплоту моей дорогой бабушки. Мы были съ ней тезки, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова: я носила имя княжны Маріи Григорьевны Вяземской, какъ и моя бабушка до своего замужества. Какъ это часто бываетъ съ очень древними стариками, бабушка видѣла во мнѣ возрожденіе своей юности и молодѣла душой, глядя на меня. Она обставила меня рос-

конно, у меня была своя горничная, своя карета и выѣздной лакей, цѣлый маленькій штатъ въ моемъ распоряженіи. Съ нашимъ переѣздомъ на дачу въ Петергофъ, переѣхали и нѣкоторые, составлявшіе постоянную табельку моей бабушки. Гр. К. селилась всегда по возможности близко къ нашей дачѣ, и, говорятъ, изъ карточнаго выигрыша составляла себѣ серіозный годовой доходъ. Такъ утверждалъ князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, избѣгавшій по возможности участвовать въ партіи бабушки, говоря, что играть съ ней—это навѣрняка выигрывать, настолько бабушка играла плохо и разсѣянно. Затѣмъ, былъ г. Сутгофъ и милѣйшій Иларіонъ Алексѣевичъ Философовъ, составлявшіе партію табельки, чтобы не лишать бабушку удовольствія, безъ котораго она бы скучала вечеромъ. Партія затягивалась поздно, и бабушка никогда не ложилась раньше двухъ — трехъ часовъ ночи. Вечеромъ я разливала чай, но бабушка строго слѣдила, чтобы въ одиннадцать часовъ я отправлялась спать, такъ что въ ужинѣ я никогда не участвовала. Но, уходя къ себѣ, я все-таки не ложилась, а читала до того времени, когда бывало услышу шаги бабушки, которая, проходя черезъ мою комнату, тихонько кралась, ступая осторожно, не подозрѣвая вмѣстѣ съ тѣмъ, что изъ полутемноты комнаты, освѣщенной мягкимъ свѣтомъ лампады, на нее смотрятъ смѣющіеся глаза, совсѣмъ несонные.

Жизнь на дачѣ была почти та же городская жизнь; такъ же закладывали ландо въ два часа, и такъ же дѣлались визиты до пяти; за обѣдомъ почти всегда были гости, затѣмъ прогулка съ гостями на музыку, гдѣ дѣлались еще приглашенія пріѣхать послѣ музыки на чашку чая,—собиралось человѣкъ 15, и такъ ежедневно. При дачной жизни была только разница въ легкости созывать къ себѣ гостей, чего городская жизнь не представляла. Дача бабушки часто удостоивалась видѣть въ своихъ стѣнахъ царскую фамилію. Въ одно изъ посѣщеній императора Николая Павловича, когда онъ запросто завтракалъ у бабушки, онъ пожелалъ обойти весь домъ и даже прошелъ крытой галлереей въ кухню. У бабушки въ это время была кухаркой француженка m-me Françoise. Государь обратился къ ней со словами: «Je vous fais mon compliment, m-me Françoise, vous êtes un vrai cordon bleu». M-me Françoise, низко присѣвъ, отвѣтила: «Je depose mes armes aux pieds de votre majesté!» и при этомъ къ ногамъ императора она положила самый большой кухонный ножъ, который случайно держала въ рукахъ.

Въ другой разъ мы сидѣли, какъ обыкновенно послѣ завтрака, на террасѣ, когда спѣшно появившійся maitre d'hôtel Angelo доложилъ: «Madame la comtesse, Sa Majesté l'Empereur»; бабушка быстро пошла государю на встрѣчу, приказавъ Angelo убрать ея маленькую болонку «Barbiche», страшно злую и на всѣхъ кидающуюся собачку. Она, при видѣ посторонняго лица, заливалась такимъ неис-

товымъ лаемъ, что долгое время передъ ней всѣмъ приходилось молчать. Я послѣдовала за бабушкой. Тутъ я въ первый разъ увидѣла нашего незабвеннаго монарха, императора Александра II, и наслѣдника цесаревича Александра Александровича. Когда государь вошелъ и своей очаровательной улыбкой и ласковымъ взглядомъ привѣтствовалъ бабушку, мое юное сердце радостно забилось отъ сознанія близости монарха. Я была ему представлена, и онъ вспомнилъ мою мать, съ которой онъ много танцовалъ на придворныхъ балахъ, когда еще былъ наслѣдникомъ, и милостиво сталъ спрашивать меня объ ея здоровьѣ и образѣ жизни. Мы сѣли на ту же террасу, и послѣ непродолжительнаго разговора государь спросилъ, отчего онъ не видитъ Barbiche. Бабушка послала меня за ней. Это непокорное маленькое существо все время рычало, пока я его несла на рукахъ, и старалось меня укусить; ярость собачки все усиливалась, и въ ту минуту, когда я ее передавала наслѣднику, она хотѣла укусить мою руку, но хватила руку наслѣдника, который желалъ удержать порывъ ея гнѣва. Бабушка была въ отчаяніи и стала извиняться, мы же всѣ отъ души смѣялись, хотя острые зубы собаченки проникли до крови въ руку наслѣдника. Великій князь долго не могъ забыть этотъ эпизодъ, и когда впослѣдствіи я удостоивалась танцовать съ его высочествомъ, онъ шутя мнѣ говорилъ: «А злая Барбишка не появится?»

Въ это лѣто давали танцовальные вечера въ честь принцессы Евгеніи Максиміліановны; танцовали то у великой княгини Маріи Николаевны въ Собственномъ, то въ Знаменскомъ—у великаго князя Николая Николаевича. Но мы, кромѣ танцовальныхъ вечеровъ, часто бывали въ Собственномъ, какъ какъ бабушка была крестной матерью графини Елены Григорьевны Строгоновой, удочеренной великой княгиней Маріей Николаевной.

Бабушка подъ предлогомъ лѣтняго сезона и молодости принцессы, для которой давались вечера, нашла возможнымъ и меня вывозить. Въ день танцовальнаго вечера въ Знаменскомъ я за обѣдомъ спросила у бабушки, въ какой каретѣ мы поѣдемъ, въ ея или въ моей. Она отвѣчала мнѣ, что въ обѣихъ, каждая изъ насъ въ своей, «autrement tu me chiffonerais»,—прибавила она. Эту предосторожность я вполнѣ поняла, когда увидѣла бабушку, одѣтую въ тарлатановое платье съ голубымъ поясомъ à l'enfant и такими же лентами на плечахъ; платье ея было совершенно одинаково съ моимъ, и разница была только въ цвѣтѣ лентъ—у меня были ленты розоваго цвѣта, а у ней голубыя. Эта тождественность была трогательна въ своей наивности: двѣ Маріи Григорьевны и обѣ одинаково одѣтыя,—разница была только въ лѣтахъ, старшей было 91 годъ, а младшей 15!

Я помню, что мнѣ на этихъ танцовальныхъ вечерахъ было страшно скучно; подругъ у меня не было, ни съ кѣмъ я не была связана

воспоминаніями дѣтства, все и всѣ были чужды для меня. И со мной не знали, какъ держать себя; по годамъ я была ребенокъ, и ребенокъ не веселый, котораго блескъ свѣта могъ бы забавлять; у меня, вѣроятно, былъ видъ скучающій, не любезный, меня, вѣроятно, находили не симпатичной, а я просто предпочитала хорошую книгу свѣтской безсодержательной болтовнѣ и съ усталостію въ душѣ думала, когда-то я вернусь въ свою комнатку. Въ постоянной свѣтской сутолокѣ прошло все лѣто; наступили темные вечера дождливой осени, и мы переѣхали въ городъ на Сергіевскую, въ домъ Сумарокова, принадлежащій теперь Боткиной.

Тутъ продолжалась та же суетная жизнь, но только еще въ болѣе усиленной степени. Однако бабушка доставила мнѣ занятія; у меня былъ учитель музыки Конри, учитель пѣнія Ронкони и учитель итальянскаго языка. Музыкой я занималась съ увлеченіемъ и, какъ теперь вижу, мою добрую, милую бабушку, сидящую около рояля. Она съ улыбкой умиленія слушала нехитростную пѣсню или canzonette, спѣтую моимъ, еще совсѣмъ дѣтскимъ, голосомъ. Мнѣ доставляло большое удовольствіе пѣть, но еще сильнѣе было удовольствіе видѣть радость на старческомъ лицѣ бабушки.

Пріемный день бабушки былъ воскресенье, и въ ея большой красной гостиной не хватало мѣста для всѣхъ посѣщающихъ ея jour fixe. Бабушка всегда сидѣла въ самой глубинѣ гостиной, подъ портретомъ императора Николая, написаннымъ во весь ростъ, и была окружена людьми почтеннаго возраста и высокаго положенія въ свѣтѣ и служебномъ мірѣ,—а я завѣдывала чайнымъ столомъ, стоявшимъ въ центрѣ гостиной, ближе ко входу, и около меня группировалась молодежь. Въ послѣдніе годы своей жизни бабушка была глуха на ухо, и бывали дни, когда въ особенности было трудно говорить съ ней, и зрѣніе ея тоже слабѣло, хотя она еще читала безъ очковъ. Въ одно изъ воскресеній, когда гостиная по обыкновенію была полна, входитъ молодой Алексѣй Философовъ, а къ нему на встрѣчу, вставъ съ своего мѣста, спѣшитъ бабушка. Поровнявшись съ нимъ, она съ серіознымъ видомъ ему громко говоритъ: «Adieu, monsieur». «Но я только что пріѣхалъ, графиня»,—возражаетъ на это Ф.; бабушка ему кланяется и снова повторяетъ: «Oui, adieu, monsieur». Ф. сконфуженно смотритъ въ мою сторону, и я лечу выручать его, объясняя бабушкѣ, что Ф. только что пріѣхалъ и вовсе не расположенъ уходить такъ стремительно.

Былъ еще другой случай съ Философовымъ. Онъ и кн. Урусовъ, Jules, какъ его звали въ свѣтѣ, сидѣли одновременно около бабушки въ одно изъ воскресеній, и бабушка вела съ ними очень участливый разговоръ, касаясь всякихъ интимныхъ семейныхъ вопросовъ, и при этомъ все время обращалась къ Философову, какъ бы къ Урусову, и наоборотъ. Я старалась разъяснить ей ея ошибку, и на минуту она сознавала ее и сама смѣялась,—а затѣмъ стоило имъ только перемѣнить мѣсто, и ошибка повторялась снова.

На большіе балы бабушка меня не брала и ограничивалась тѣмъ, что привозила мнѣ нѣсколько конфегъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно для ребятъ. Эти конфеты служатъ какъ бы соблазномъ для неопытной молодой души и олицетворяютъ сладость веселія, которое, какъ неистощимый бурный потокъ своимъ міріадомъ блестящихъ брызговъ, встрѣчаетъ каждаго входящаго съ новыми силами въ заколдованный кругъ большого свѣта. Я всегда порицаю это появленіе сладостей съ баловъ; мнѣ кажется, что расположеніе ребенка къ сказочному міру, какъ ему представляется свѣтъ, не слѣдуетъ поощрять этимъ способомъ, столь привлекательнымъ для его возраста.

Прошла страшно однообразная зима съ ея однообразными развлеченіями въ кругу все тѣхъ же лицъ, съ мелкими интересами личнаго свойства, столь чуждыми и далекими всѣхъ міровыхъ вопросовъ, гдѣ нѣтъ мелкаго эгоизма, и гдѣ всякій приноситъ посильную помощь на пользу нашей меньшой братіи. Тотъ, кто родился богатымъ, долженъ получить отъ природы особенное призваніе къ какой бы то ни было дѣятельности, чтобы не праздно жить на свѣтѣ и не скучать отъ бездѣйствія.

Насталъ день 1-го апрѣля—день нашего ангела, бабушки и мой. Утромъ, когда мы пили кофе, вошелъ Angelo съ большой бѣленой корзиной, которую онъ видимо несъ съ трудомъ, и поставилъ ее передо мной. Она вся наполнена была свертками разныхъ величинъ, перевязанными розовыми ленточками, и добрѣйшая бабушка съ улыбкой сказала мнѣ: «C'est pour toi, Macha». Горячо поблагодаривъ ее, я принялась развертывать первый пакетъ, попавшійся мнѣ подъ руку. Снявъ нѣсколько обертокъ бумаги, я дѣйствовала очень осторожно, предполагая, что вещь, столь тщательно завернутая, должна быть очень хрупка и драгоцѣнна,—но когда я дошла до минимальной величины пакетика,—каково было мое удивленіе, когда я вынула изъ послѣдней бумаги кусочекъ дерева,—просто щепы, годной на подтопку. «Ah! grande maman, vous m'aves preparé un premier Avril!» засмѣялась я и ревностно принялась за другой свертокъ. Но и другой содержалъ въ покровахъ бѣлой шелковистой бумаги только небольшой камешекъ. Я схватила третій свертокъ—тотъ же результатъ. Четвертый, пятый — все то же. По мѣрѣ того какъ я опустошала корзину, мои движенія дѣлались все быстрѣе, въ увѣренности, что вотъ скоро попадется же мнѣ подъ руку пакетъ съ подаркомъ. Но вотъ я беру послѣдній свертокъ, онъ болѣе тяжелъ, чѣмъ остальные,—наконецъ! да мнѣ и слѣдовало брать послѣдній, какъ это я раньше не догадалась?—пробѣгаетъ у меня въ мысляхъ, пока мои пальцы нервно работаютъ надъ покровами, ревниво охраняющими тайну. Ну, вотъ и послѣдняя бумага сорвана и, и—камень остался у меня въ рукахъ, — камень больше другихъ. Я чуть не заплакала. Бабушка, нѣжно обнявъ, повела меня въ свою комнату.

«Ma pauvre Macha,—tiens, tout cela est pour toi»,—и я увидала передъ собой массу подарковъ, размѣщенныхъ по всей комнатѣ; платья лежали на диванѣ, бездѣлушки занимали цѣлый столъ. Я была вполнѣ утѣшена. На слѣдующую зиму, около новаго года, бабушка заболѣла. Она въ теченіе многихъ лѣтъ страдала періодическими приступами рвоты, которые возобновлялись ежемѣсячно. Эта непріятная болѣзнь ее страшно раздражала, потому что лишала ее возможности въ это время выѣзжать. Она въ Россіи и за границей обращалась ко всѣмъ знаменитостямъ медицины, чтобы излѣчиться отъ этого недуга, но всѣ отказывались помочь ей говоря, что это благодѣяніе ея природы надо, напротивъ, старательно оберегать, и что она носитъ въ себѣ задатокъ долголѣтія. Эти періодическіе приступы продолжались до конца 1864 года. Въ это время, когда она заболѣла, ея постоянный врачъ, докторъ Обермюллеръ, былъ самъ боленъ тифомъ; послали за докторомъ Хольмеромъ. Онъ, выслушавъ жалобы бабушки и сочувствуя ея опасеніямъ не попасть на придворный балъ, далъ ей какое-то сильное средство и прекратилъ рвоту. Бабушка почувствовала себя совсѣмъ здоровой и въ особенномъ, радостномъ возбужденіи поѣхала на балъ. Личности, какъ бабушка, одаренныя такими несокрушимыми свойствами подъема духа, въ обществѣ составляютъ рѣдкія исключенія; такъ много встрѣчаешь людей, скучающихъ этой жизнію, вѣчно жалующихся и притомъ пассивно отдающихъ себя въ распоряженіе свѣтскаго мертво-жизненнаго теченія, что невольно изумляешься, когда попадется на глаза искренное изъятіе изъ этой поголовной брезгливой скуки. Свѣтъ—это мутный потокъ, безъ живой воды.

Бабушка, проникнутая чувствомъ благодарности, всѣмъ хвалила и рекомендовала Хольмера, говоря, что онъ сдѣлалъ то, что европейскія знаменитости сдѣлать не могли. Цѣлый мѣсяцъ она чувствовала себя превосходно, но къ концу его, когда спасительное явленіе не наступило, съ ней сдѣлался ударъ, который и былъ началомъ разрушенія ея доселѣ непоколебимаго, почти столѣтняго организма; это случилось утромъ.

Войдя въ кабинетъ бабушки, гдѣ мы всегда вмѣстѣ пили кофе за маленькимъ столомъ, я нашла ее сидящей съ опущенной головой, — руки, упиравшіяся локтями на столъ, закрывали ея лицо. Я подошла и громко сказала: «Bonjour, grand' maman», она не двинулась и, на повторенный мой, еще болѣе громкій привѣтъ тоже молчала. Въ испугѣ я взяла ея руки, — руки были холодныя; тогда я съ силою подняла ея голову, и потухшими, какими-то стеклянными глазами она взглянула на меня и узнала. «Ah, c'est toi, Macha»,— вяло и беззвучно проговорила она. Бабушку уложили въ кровать и послали за докторомъ. Это былъ чуть ли не первый выѣздъ доктора Обермюлллера, который, разспросивъ о предыдущемъ, объяснилъ намъ, А. Ф. Фейхтнеръ и мнѣ, причину, вызвавшую ударъ.

Всѣ мѣры были приняты, чтобы произвести рвоту, но напрасно. Съ этого времени бабушка медленно умирала. Произошло странное явленіе,—она совсѣмъ забыла значительный промежутокъ времени и настоящее соединяла съ давно прошедшимъ; все время вдовства изгладилось изъ ея памяти, и она воображала себя еще обладательницею Петровскаго. Изъятіе изъ памяти столь громаднаго промежутка, какъ полстолѣтія, не говоритъ ли о томъ, что за время ея вдовства она не жила полною жизнью, и что смерть любимаго существа унесла съ собою тѣ жизненныя частицы души, безъ которыхъ человѣкъ живетъ только внѣшнею оболочкой.

Во время болѣзни государь и вся царская фамилія навѣщали бабушку.

Въ одно изъ посѣщеній государя бабушка чувствовала себя очень слабой и не могла встать съ постели; государь сѣлъ у ея постели, а я—у ея изголовья.

Бабушка, жалуясь на свое здоровье, выразила надежду, что, съ наступленіемъ весны и солнечныхъ дней, она поправится,—и тогда намѣрена ѣхать провести лѣто въ Петровскомъ. Стала просить государя, въ свою бытность въ Москвѣ, не отказать ей принять приглашеніе на праздникъ, который она намѣрена дать въ Петровскомъ. Праздникъ будетъ носить характеръ національный,—объясняла бабушка государю,—всѣ будутъ въ русскихъ крестьянскихъ платьяхъ всѣхъ губерній, паркъ будетъ иллюминованъ и на прудѣ въ лодкахъ будетъ расположенъ хоръ, и Маша будетъ запѣвалой. Государь участливо выслушалъ свѣтлыя мечты больной, ни единымъ словомъ не выразилъ удивленія и обѣщалъ посѣтить Петровское. Уходя, государь выразилъ, какъ ему грустно видѣть бабушку въ такомъ состояніи, и прибавилъ, что онъ проситъ не разувѣрять ее въ возможности осуществить свое намѣреніе, что онъ сегодня же отдастъ приказаніе, чтобы весь домъ былъ приведенъ въ тотъ видъ, въ которомъ его оставила бабушка, что это вовсе не трудно исполнить, такъ какъ вся мебель хранится въ какихъ-то сараяхъ, и что онъ счастливъ сдѣлать что либо для утѣшенія больной.

Получивъ обѣщаніе государя посѣтить Петровское, бабушка отъ радостнаго волненія стала чувствовать себя лучше,—она покинула постель, перешла въ кабинетъ, позвала Angelo и сама, съ замѣчательною точностію, поражая насъ своею памятью, стала приказывать ему, какое настольное серебро, какіе сервизы, какой хрусталь укладывать,—она доходила до мельчайшихъ подробностей въ своихъ приказаніяхъ. И съ этого дня весь интересъ жизни поглощался праздникомъ въ Петровскомъ, и по всему дому раздавались удары молотка при заколачиваніи ящиковъ. А рядомъ съ этою заботою бабушка тосковала отъ невозможности посѣщать Божій храмъ и тогда испросила себѣ позволеніе поставить въ большой красной гостиной походную

церковь. Вся мебель куда-то была убрана, и ее замѣстила походная церковь морского корпуса; по воскресеньямъ у насъ совершалось богослуженіе.

Но бабушка все рвалась въ Петровское, и намъ большого труда стоило уговорить ее, подъ предлогомъ поправить немного свои силы, переѣхать на время на Каменный островъ, на дачу гр. Борхъ, которая была нанята для нея, въ виду близости медицинской помощи. Только такимъ путемъ намъ удалось перевезти ее на Каменный.

Добрѣйшая Анна Ѳеодоровна не покидала бабушку, и мы съ нею дѣлили заботы о нашей дорогой больной. Хорошій воздухъ отъ близости рѣки и солнечные дни оживили больную, и она ежедневно стала выѣзжать въ ландо на прогулку, но съ наступленіемъ августа мѣсяца ея силы стали видимо слабѣть. Она уже не покидала кровать и почти не принимала пищи. Она не страдала, но находилась въ какомъ-то забытіи; лампада жизни тихо погасала въ ней. Только мой голосъ могъ оживлять ее на время, и я этимъ пользовалась, чтобы питать ее кашицей, которую она только изъ моихъ рукъ принимала. Послѣ этого она всегда брала мою руку въ свою слабую старческую руку и долго, долго держала меня около себя, глядя на меня глазами, столь полными тоски, что я не могла удержаться отъ слезъ. Бабушка еще до болѣзни просила великую княгиню Елену Павловну взять меня на свое попеченіе и получила письменное обѣщаніе ея высочества, которое передала мнѣ, что она беретъ меня къ себѣ на положеніе дочери.

9-го августа дорогой моей бабушки не стало.

Тѣло перевезли въ Петербургъ, на Сергіевскую, гдѣ оно было поставлено въ сооруженную церковь, и тутъ служили панихиды.

Я страшно плакала и стояла около гроба, не сводя глазъ съ дорогаго лица усопшей, и я помню, что я что-то рѣзко отвѣтила великой княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ, которая подошла ко мнѣ съ добрымъ намѣреніемъ утѣшить меня своимъ участіемъ.

Тѣло бабушки похоронили въ Москвѣ въ Донскомъ монастырѣ. Подняли красивый порфирный памятникъ, за полстолѣтіе передъ тѣмъ поставленный бабушкой надъ останками обожаемаго мужа, но наряду съ прежнею надписью вырѣзали новую: «Блаженны милостивые, яко тіи помилованы будутъ».

Бабушка родилась 10-го апрѣля 1772 года—скончалась 9-го августа 1865 года.

М. Назимова.